

УДК 1(09)

Сотворение «греческого чуда»

А.Б. Демидов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Обзор трактовок и интерпретаций «греческого чуда». Критика этнопсихологического подхода. Основное изобретение эллинов – полис. Прочие новации являются производными от него. Он культивирует в людях предприимчивость, которая обеспечила социально-экономический и культурный подъем Эллады. Теоретическая наука и философия – естественный продукт развития полиса.

В современном мире усиление разнообразного обмена и взаимодействия между нациями не отменяет соревнования между ними. Чьи-либо успехи привлекают внимание других, которые не прочь перенять удачные решения, обусловившие успех. В этой статье мы попытаемся дать свою версию объяснения поразительных успехов древнегреческой цивилизации – феномена, прозванного «греческим чудом». Хотя речь пойдет не о какой-то из современных наций, осмысление причин блистательного развития древних эллинов может служить полезным уроком и для нашей современности. В связи с этим целью данной работы является выявление предпосылок образования классической греческой культуры, в частности, теоретической науки и философии.

Материал и методы. Выражение «греческое чудо» ввел в употребление Эрнест Ренан, французский филолог-востоковед, историк и писатель XIX в. Он считал, что зарождению и расцвету философии, науки, литературы, искусства в Древней Греции способствовали особенности арийских языков, в частности, древнегреческого, а именно их абстрактный и метафизический характер. Образное выражение Ренана многим пришлось по вкусу, в дальнейшем исследователи древнегреческой цивилизации охотно им пользовались, хотя предлагали разные способы его интерпретации и объяснения. Рассмотрим вкратце трактовки «греческого чуда» (в чем оно состоит и на чем оно основано), излагавшиеся в относительно недавних исследованиях начиная с середины XX в.

Результаты и их обсуждение. Ряд выразительных характеристик стремительного подъема греческой цивилизации дал английский математик и философ Бертран Рассел. Он писал: «Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции. <...> Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели математику, науку и философию...» [1]. У Рассела мы не находим строго последовательного объяснения причин греческих достижений, однако много внимания он уделил плодотворной роли конфликта, стимулирующего творческую активность, конфликта между благоразумием, с одной стороны, и страстями, «энтузиазмом», дионисийским опьянением (преимущественно духовным, а не алкогольным) – с другой. «Не

все греки, но большинство из них были людьми, буруеваемыми страстями, несчастливыми людьми, боровшимися с собой, влекомыми интеллектом по одному пути, а страстями – по другому; они были наделены воображением, чтобы постигать небо, и своевольным притязанием, творящим ад. У них было правило «золотой середины», но в действительности они были невоздержанны во всем: в чистом мышлении, в поэзии, в религии, в грехе. Именно сочетание интеллекта и страсти делало их великими...» [1, с. 53].

Вообще математики и историки математики проявили к «греческому чуду» заметный интерес. Так, Б.Л. Ван дер Варден, известный голландский математик и историк математики, в своем докладе на Оксфордском симпозиуме по истории науки усматривал суть «греческого чуда» в выдающихся научных достижениях древних греков и объяснял их особенностями греческого «духа» [2]. Видный советский математик А.Н. Колмогоров отметил принципиальную новизну мышления древних греков «в систематическом и логическом построении основ математической науки». Новый способ мышления у греков, по Колмогорову, обусловлен тем, что «появилась потребность в отчетливых математических доказательствах». Общим основанием интеллектуальных новаций стал особый характер общественной жизни эллинов: «Это изменение характера математической науки объясняется более развитой общественной, политической и культурной жизнью греческих государств, приведшей к высокому развитию диалектики, искусства спора, к привычке отстаивать свои утверждения в борьбе с противником» [3]. Освещая историю математики, воспользовалась выражением «греческое чудо» и советская исследовательница И.Г. Башмакова. Она имела в виду «совершенно новое явление – рождение науки, основанной на строгих доказательствах. Этот важнейший скачок в истории науки относится к тем же VI–V вв. до н.э., которые отмечены такими бесмертными творениями греческого гения, как создание демократического государства и появление трагедии и комедии. Каждого из них было бы достаточно, чтобы считать это время важнейшей вехой в истории человечества, а появление всех трех граничит с чудом» [4].

В трактовке французского историка и антрополога Ж.-П. Вернана суть интеллектуального переворота, совершенного древними греками, выражают три принципа: «светский и рациональный характер видения мира, понятие умопостигаемого и упорядоченного космоса и геометрическая картина вселенной... В своей совокупности они определяют то новое и оригинальное, что внес греческий рационализм как по форме, так и по содержанию по сравнению с прошлыми и теми ближневосточными цивилизациями, с которыми греки могли быть знакомы» [5]. Далее Вернан отметил, что произведенная греками «интеллектуальная революция представляется столь внезапной и глубокой, что ее считали необъяснимой в терминах исторической причинности и потому говорили “о греческом чуде”» [5, с. 128]. Основанием, на котором выросло «греческое чудо», Вернан считал полис как особую форму социальной организации, созданную греками: «Становление *полиса*, рождение философии – весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления, присущим греческому полису» [5, с. 156]. В конечном счете, «греческий разум», по Вернану, это – «дитя полиса»

[5, с. 159].

В воззрениях на «греческое чудо» известного специалиста по истории древнегреческой философии Ф.Х. Кессиди заметна некоторая эволюция. В монографии, появившейся четыре десятилетия назад, он полагал, что «хотя рационализм милетских мыслителей производит сильнейшее впечатление, однако разрыв с традиционными представлениями, совершенный ими, и возникновение нового взгляда на мир несколько не удивительны и не «чудесны», если учесть, что почва для теоретического мышления была подготовлена как социально-политическим развитием ионийских полисов, так и предшествующими взглядами на мир» [6]. Однако в одной недавней статье Кессиди указаны уже иные основания «греческого чуда». Оно представляется обусловленным психическим складом греческого народа. Объясняя перемены, происшедшие в менталитете эллинов, Кессиди высказал мнение, что у деятелей гомеровской эпохи, участников Троянской войны активность правого полушария головного мозга была выше, чем левого полушария и, соответственно, образное мышление преобладало над логическим. Позднее, в условиях античной демократии оба типа мышления получили исключительное развитие, а результатом явилось то, что Энгельс назвал «универсальной одаренностью» древних греков [7]. Таким образом, Кессиди перешел от социально-исторической трактовки оснований «греческого чуда» к психофизиологической. Правда, следует заметить, что научная верификация суждений о психофизиологической подоплеке «греческого чуда» не представляется возможной. К тому же если бы даже корреляция между активностью головного мозга и всплеском культуротворческой активности древних греков была бы эмпирически установлена, то она была бы лишь фактом, но не осмысленным объяснением феномена.

Обширное, разноплановое и интригующее исследование «греческого чуда» представлено в труде Ю.В. Андреева, которому мы уделим несколько больше внимания, чем прочим. Уже на уровне описания этого феномена автору удалось выделить черты древнегреческой цивилизации, убедительно свидетельствующие о ее неординарности, незаурядности. Андреев пишет: «“Греческое чудо”. С помощью этих двух слов авторы книг и статей, посвященных греческой цивилизации, ее зарождению и развитию, нередко пытаются выразить всю ту сложную гамму мыслей и чувств, которая связана в их сознании с этим во всех отношениях необычным историческим феноменом» [8]. «...Греческая цивилизация воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества» [8, с. 8]. К уникальным проявлениям Андреев отнес «исключительный динамизм греческой цивилизации», не имеющий аналогов в древней истории, создание принципиально нового типа цивилизации, обеспечившей условия для свободного и всестороннего раскрытия физических и духовных способностей людей. В результате, «говоря о замечательных культурных достижениях древних греков, все время приходится употреблять слово «первые»...» [8, с. 9].

Андреев критически оценил ряд известных подходов к объяснению феноменальности греческой цивилизации. Так, по его мнению, не являются вполне убедительными и достаточными объяснения, даваемые с позиций географического, геополитиче-

ского, языкового, экономического или технологического детерминизма, а также исторического материализма. Сам Андреев склонен рассматривать цивилизацию вообще как «воплощение психики этноса, его духовной жизни, его интеллекта и эмоций, его сознания и подсознания» [8, с. 6]. Каким-то особым термином он свой подход не обозначил, но, видимо, его можно охарактеризовать как этнопсихологический подход. Правда, термин «этнопсихология» имеет различные толкования. Квалифицируя объяснительную модель Ю.В. Андреева как этнопсихологическую, мы будем иметь в виду подход, согласно которому такие явления социальной жизни, как религия, право, язык, искусство, наука, быт, нравы и прочие, объясняются психологией народа, являющегося носителем коллективного разума, воли, чувств, характера, темперамента. При таком рассмотрении социальная жизнь в различных ее аспектах является как бы «эманацией народного духа». Пожалуй, позиция Андреева соответствует так толкуемой этнопсихологии. Это предположение косвенно подтверждается близкой трактовкой этнопсихологии у Л.Н. Гумилева, на которого Андреев неоднократно ссылался в своей работе. Впрочем и сам Андреев вполне определенно высказался, что «в поисках ключа к разгадке проблемы греческого свободомыслия» он обращается к этнопсихологии [8, с. 236–237].

Опираясь на этнопсихологический подход, Андреев полагал, что «греческое чудо» было создано гением греческого народа. Но гений – это всегда неожиданность, всегда отклонение от нормы, всегда счастливый случай» [8, с. 18]. Под гениальностью здесь подразумевается некая особая природная одаренность, генетически передаваемая и наследуемая. Благодаря ей «в сравнении с историей стран Древнего Востока история Греции характеризовалась гораздо большим динамизмом и большей интенсивностью всех участвовавших в ней процессов, что в значительной мере могло быть обусловлено особой энергичностью и подвижностью греческого менталитета или ярко выраженной избыточностью всего комплекса составляющих его духовных сил (сверходаренностью греков)» [8, с. 337]. При таком ходе мысли причины социально-культурного подъема древних греков, а также «предпосылки упадка и гибели их цивилизации следует искать в сфере не столько экономики или политики, сколько этнопсихологии. Факторы внешнего, объективного характера могли лишь ускорить или замедлить спонтанное развитие тех или иных психических состояний или процессов, типичных для греческого менталитета и заложенных в него самой природой, т.е. на чисто генетическом уровне» [8, с. 339]. Или вот еще одно суждение Андреева, подтверждающее правильность нашей квалификации его воззрений. Говоря о римлянах, что у них в отличие от греков «не было настоящего вкуса ни к занятиям наукой, ни к занятиям атлетикой», автор не преминул подчеркнуть, что «в психический склад греков обе эти склонности были заложены самой природой и генетически там закреплены» [8, с. 238].

Допустим, все дело действительно в гениальности, сверходаренности древнегреческого этноса. Но она-то откуда взялась? Не пытался ли Андреев объяснить загадочное явление ссылкой на еще более загадочное. Если справиться у Л.Н. Гумилева, откуда берутся уникальные особенности психического склада определенного этноса, то найдем у него достаточно определенное суждение: «...разница этнопсихологических стереотипов определяется климатом, рельефом, флорой и фауной этнических месторазви-

тий...» [9]. Правда, здесь вызывает недоумение, почему «этнопсихологические стереотипы» обуславливаются только чисто природными факторами, а факторы социальные, культурные, создаваемые людьми как общественными существами, игнорируются. Разве взаимоотношения людей с людьми и их творениями, социальными институтами менее значимы, чем взаимоотношения людей с чисто природными вещами?

Андреев в отличие от Гумилева высказывался о происхождении психических особенностей этноса неоднозначно. В одних случаях, как показано выше, гениальная «сверходаренность» греков – это просто природный дар, неведь откуда берущийся, случайное «отклонение от нормы». Но в ряде других случаев Андреев указывает на факторы не природные, а создаваемые самими людьми и определяющие их «этнопсихологию». Показательны в этом отношении размышления Андреева о том, почему в VII–VI вв. до н.э. происходил «пассионарный подъем» эллинской цивилизации, а в IV в. до н.э. – «пассионарный перегрев и надлом». Оказывается, все дело в иллюзиях, которыми обольщали себя эллины: «Именно иллюзии такого рода поддерживают человека или этнос, как говорится, «на плаву» в течение большей и лучшей части его жизненного пути» [8, с. 361]. Видимо, суждения Андреева о вдохновляющей роли иллюзий навеяны фикционализмом Ф. Ницше, различавшего иллюзии вредные и полезные. У Андреева речь идет об иллюзии греков насчет своей героической миссии: «На протяжении долгого времени греки свято верили в то, что их маленькие полисные общины продолжают дело, некогда начатое поколением героев, и выполняют великую историческую миссию, непрерывно вступая в борьбу с обступающими их силами довременного хаоса во имя торжества мирового божественного закона и гармонии. <...> Именно вера в свою кровную связь с поколением героев и стремление во всем быть достойными своих великих предков заставляли греков и особенно лучших из них — представителей старинных аристократических родов – смирять и обуздывать свои личные амбиции во имя объединявшего их всех общего дела – обеспечения безопасности и процветания их гражданских общин. Индивидуализм, укрощенный и облагороженный героическим самообладанием воина-гоплита или атлета-победителя на играх, стал духовной основой греческого полиса. Его перерождение, вызванное общей усталостью греческого духа, повлекло за собой упадок города-государства» [8, с. 361]. Далее речь идет о том, что «великая греческая иллюзия» стала рассеиваться в немалой степени из-за Пелопоннесской войны: чарующая поэзия уступила место трезвой прозе, высокая трагедия – риторике. Интерпретируя эти явления, Андреев опять-таки подчеркнул, что кризисные изменения произошли «не столько в экономике или социальных отношениях, сколько в душах людей» [8, с. 362]. Как бы то ни было, здесь отчетливо видно, что «пассионарный подъем» и «упадок» Андреев обуславливает уже не игрой природных сил и случайностей, а действиями людей и плодами этих действий. Ведь гомеровский героический эпос, составивший сердцевину иллюзии, воодушевлявшей греков, – это уж никак не природный фактор, стихийно возникающий и генетически наследуемый.

Завершая этот небольшой, не претендующий на исчерпывающую полноту обзор воззрений на «греческое чудо», следует упомянуть еще одного автора, который вопреки распространеннейшей традиции заявил, что «греческого чуда» не существует. С таким

утверждением выступил Андре Боннар, швейцарский филолог-эллинист. Апелляция к чуду ничего не объясняет, лишь подменяет объяснение. «...Греческий народ был совершенно таким же народом, как и всякий другой, первобытнейшим из первобытных. Его цивилизация распускалась и взращивалась на том же черноземе суеверий и мерзостей, на котором выросли все народы мира, – в этом нет никакого чуда, но сказывается влияние некоторых благоприятных обстоятельств и тех изобретений, появление которых было вызвано повседневным трудом и нуждами самого греческого народа. Именно этот примитивный, легковверный и жестокий народ изобрел одновременно и как бы в едином порыве... цивилизацию – нашу с вами цивилизацию» [10].

В самом деле, не какой-то чудесный икс-фактор сформировал древнегреческую цивилизацию классической эпохи, а люди, стремившиеся найти разрешение своих проблем и противоречий, как ближайших, повседневных, так и перспективных. Но таково стремление всех человеческих индивидов и общностей во все времена. Почему же особо выделились именно эллины? Ближайший ответ лежит на поверхности: древние греки были особенно деятельны, предприимчивы, изобретательны. Они искали и находили решения своих задач, чтобы от них переходить к задачам более высоких уровней. Но разве другие народы не могли прогрессировать подобным же образом? Для этого сначала нужно было преодолеть ограничения, налагаемые на индивидов обществом родоплеменного типа. То есть должны были возникнуть общества, в состав которых включаются роды и племена, связанные и упорядоченные не узами родства, а порядками, устанавливаемыми институтом, стоящим над родственными и клановыми отношениями, – государством. В сфере государственной жизни порядок взаимоотношений между индивидами лежит «по ту сторону» родства, человек человеку здесь не родня, а абстракция, с которой нужно обращаться не «по любви», а «по понятиям». В странах Востока сверхродовые общности возникали обычно путем захвата и покорения инородцев. Здесь государства и государи культивировали у своих подданных покорность начальственной воле и исполнительность. В Элладе вышло иначе. Во II тысячелетии до н.э. расцвели и потерпели крушение Критское и ахейские царства, «дворцовые культуры». После этого наступили так называемые «темные века», когда люди, сравнительно развитые и уже приподнятые былыми государствами над родовыми порядками, не имели «всемогущего» владыки. Специфический ландшафт Греции послужил защитой от внешних завоевателей. В условиях относительного безвластия людям пришлось самим, по своему разумению, без воли повелителя, земного или небесного, вырабатывать договоренности и соглашения, регулирующие совместное существование. Так – преимущественно посредством договоров и синойкизма (объединения поселений) – сформировались полисы, общества людей, населяющих несколько расположенных неподалеку друг от друга селений, одно из которых является центром. В полисах обычно имелось гражданское самоуправление. Поскольку государственную власть осуществляли сообща сами граждане полиса, постольку древние греки и даже их лучшие умы, философы, так и не научились различать понятия общества и государства, ведь государство здесь не противостояло очевидным образом обществу. Ни государства, ни религия эллинов не представляли собой внешнюю силу, перед которой надо было бы раболепствовать.

Таким образом, общественно-государственный строй, изобретенный греками, давал гражданам существенно большую свободу по сравнению с государствами Востока. Индивидам при различных социальных условиях обычно свойственно стремление к самоутверждению. Но подданные монарха утверждают свой статус и достоинство послушанием его воле, соревнуясь в исполнительности. Напротив, граждане полиса утверждают свое достоинство посредством соревнования в предприимчивости во всех сферах деятельности, где можно достичь успеха и стяжать славу. Таким образом, античный полис культивировал в гражданах не столько исполнительность, сколько предприимчивость, ограниченную законом, а не начальственной волей, а отсюда и проистекает всем известная активность, состязательность и изобретательность древних греков, которая нашла выражение в высоких достижениях культуры. Главное – греки изобрели полис как тип социальной системы, коллективно управляемой гражданами, а все прочие «чудеса» вроде теоретической науки, философии, искусства явились сопутствующими продуктами, естественными отправлениями жизнедеятельности полиса.

Из всего вышесказанного можно заключить, что осмысление и разгадка «секретов» высоких достижений пусть и древней цивилизации имеет не только теоретико-познавательный интерес, но способно помочь в выборе наилучших направлений в реформировании общественной жизни современных наций – а нас интересует прежде всего свое Отечество. Динамичное развитие и процветание общества обеспечивается активностью, деловыми и творческими способностями членов общества, а эти качества не являются подарком природы или каких-то мистических сил; мы можем целенаправленно культивировать эти качества, стимулируя предприимчивость, разумно корректируя условия социальной жизни.

Л и т е р а т у р а

1. Рассел, Б. История западной философии: в 3 кн. / Б. Рассел. – 3-е изд., испр.; подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – С. 33.
2. Van der Waerden, B.L. Basic Ideas and Methods of Babylonian and Greek Astronomy / B.L. Van der Waerden // *Scientific Change: Historical Studies in the Intellectual, Social, and Technical Conditions for Scientific Discovery and Technical Invention, from Antiquity to the Present.* – N. Y., 1963. – P. 42–60.
3. Колмогоров, А.Н. Математика / А.Н. Колмогоров // Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1954. – Т. 26. – С. 467.
4. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / под ред. А.П. Юшкевича. С древнейших времен до начала Нового времени. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. – С. 58.
5. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан; пер. с фр. / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича; послесл. Ф.Х. Кессиди. – М.: Прогресс, 1988. – С. 13–14.
6. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии) / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – С. 138–139.
7. Кессиди, Ф.Х. О «греческом чуде» и менталитете древних греков / Ф.Х. Кессиди // *Философия и общество.* – 2003. – № 1. – С. 135–143.
8. Андреев, Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю.В. Андреев. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 7.
9. Гумилев, Л.Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев; сост. Н.В. Гумилева; [предисл., коммент. и общ. ред. А.И. Куркчи; Фонд «Мир Л.Н. Гумилева»]. – М.: Библ. информ. об-ние «Танаис»: ДИ–ДИК, 1994. – С. 430.

10. Боннар, А. Греческая цивилизация / А. Боннар; пер. с фр. О.В. Волкова; ред. В.И. Авдиева, Ф.А. Петровского; предисл. В.И. Авдиева. – Т. 1. – М.: Искусство, 1992. – С. 19–20.

S U M M A R Y

The article deals with the review of treatments and interpretations of “the Greek miracle” and the criticism of the ethno-psychological approach.

Поступило 28.04.2010